

УДК 121.8+56

А.В. Гадеес

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ КОНЦА 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Актуальность темы 60-летия победы во Второй мировой войне притягивает многих ученых к протагонистам международных событий, особенно к тем, кто, несмотря на идеологическое неприятие партнера по переговорам, попытался преодолеть противоречие во имя борьбы против германского нацизма. Среди работ, которые изданы в последние годы, анализирующих предвоенный период и начало Второй мировой войны следует назвать Иванова Р.Ф. «Сталин и союзники. 1941-1945 гг.»; коллективный труд «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939-1941 гг.»; сборник статей «Нападение Германии на Советский Союз, 1941»; дискуссия по поводу «тезиса о превентивной войне»; работа М.Д. Кэрли. 1939. «Альянс, которого никогда не было, и начало Второй мировой войны» и т.д. Большинство авторов сочетают анализ общих тенденций развития международных отношений в Восточной Европе с выявлением специфики внешней политики различных государств.

В связи с международной ситуацией конца 30-х годов XX века вправе говорить о таком феномене международных отношений, как идея упущенных возможностей. Этот термин уже давно начал использоваться отечественными учеными. Можно сказать, что в те тревожные годы участники европейской политики недооценили агрессивную сущность и ударную силу фашизма, упустили из виду ту смертельную опасность, которую нес фашизм всему человечеству [1, с. 83]. Если исходить из исторических реальностей, то не может не возникнуть подозрение в том, что война - это неотъемлемая врожденная составляющая самой человеческой природы, точно так же как тяга к игре, пению, снятию стресса, потребность в сатурналиях, вальпургиевых ночах, маскарадах и т.д. Конечно, она порождается вполне осязаемыми материальными, экономическими, социальными, династическими, религиозными и иными факторами. Однако история предоставляет множество примеров, демонстрирующих, что устранение этих и подобных факторов не всегда приводило к устранению самих войн из жизни стран и народов. И. Кант не без оснований говорил, что история в целом никоим образом не свидетельствует о человеческой мудрости, скорее, она летопись человеческого несовершенства, безумия, тщеславия и порока. Этими качества обладали многие лидеры западноевропейских стран и Японии в первой половине XX века. Часто сравнивают Гитлера и Сталина. А почему бы не сравнить Гитлера и Чемберлена, от которых сильно зависело начало второй мировой войны. По-видимому, не лишены основания аргументы и доводы тех авторов, которые считают присущие человеку от рождения злое начало, иррациональные и разрушительные побуждения, гордость,

тщеславие и корыстолюбие не последними по значимости мотивирующими факторами общественно-исторического развития, важным компонентом которого являются войны. Как не без оснований отмечал Гегель, движение истории осуществляет ее «дурная сторона», «порочное начало» - неповиновение. Более того, неповиновение, непокорность и мятеж, наряду с другими факторами, стали немаловажным стимулом общественно-исторического прогресса. Общество, в конечном счете, живет и развивается по законам, корни которых лежат в природе человека. Это в первую очередь относится к разного рода конфликтам и войнам. И действительно, любая война развязывается и ведется не богами или демонами, а обыкновенными людьми, и, чтобы понять ее природу, необходимо выяснить, какие именно человеческие качества ее вызывают. Здесь необходимо учитывать не только разумное и доброе начала человека, но и реальность его несовершенства, его страсти, зависть, алчность и т.д. Необходимо преодолеть избыточную, слишком восторженную, по сути дела не выдержавшую испытания историей веру в человека, вышедшую из гуманистической традиции с ее постулатом - «человек мера всех вещей». История изобилует примерами, свидетельствующими о том, что человек, слишком многое возомнивший о себе и слишком многое себе позволяющий, при определенных условиях может быть просто опасен для целых стран и народов, а то и для всего мирового сообщества. Ибо приходится констатировать правоту Шеллинга, который говорил, что в человеке «содержится вся мощь темного начала и в нем же содержится и вся сила света. В нем — оба средоточения: и крайняя глубина бездны и высший предел неба». С этой точки зрения, тайна и таинство жизни включают в себя наряду с устремленностью ввысь, в сферу сверхличного, божественного, также мистерию греха, греховного начала, отрицания того, что мироздание, соответственно, и жизнь, как интегральная часть его, полны роковых противоречий. Сама свобода человека предполагает возможность выбора одной из множества альтернатив, в том числе и выбора между добром и злом. К тому же исторический опыт воочию продемонстрировал, что не существует каких-либо гарантий торжества начал добра и разума в мировом бытии. Проявляясь и активно действуя в облике явлений этого мира, зло слишком часто торжествовало и торжествует свою победу. Однако неизбежность и неустранимость мирового зла отнюдь не означает тщетность и обреченность борьбы с ним. Именно в вечной борьбе со злом, в конечном его преодолении, человеку суждено реализовать свои сущностные характеристики, каждый раз заново утверждать свои права и притязания на жизнь на началах добра, доказывать, что зло не есть нечто непреложное и что оно отнюдь не правит миром.

Данные философские рассуждения позволяют под определенным углом зрения посмотреть на диалектику политических отношений 30-х годов в Европе, на активную политику одних стран и пассивную политику других стран. По-прежнему вызывает интерес проблема англо-франко-советского сближения. Среди сторонников англо-франко-советского сближения выделяют наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова, заместителя министра иностранных дел Великобритании Р.Г. Ванситгарта, советского полпреда в Лондоне И.М. Майского. Вместе с тем, история показывает, насколько хрупкой являлась основа этого

сближения. Выход на первый план последовательного антисоветчика Н. Чемберлена и А. Идена в Великобритании, Э. Даладье во Франции подрывали основу переговоров. По мнению многих ученых уже в 1936 г. руководители Великобритании и Франции исключали возможность сближения с Советским Союзом. В связи с этим надо подчеркнуть, что это произошло до того, как сталинские репрессии реально ослабили Красную Армию. Основной причиной стало «опасение войны, которое было сравнимо с опасением революции - и опасением победы». По этой причине советско-французское сближение, начатое в середине 1930-х годов, не было подкреплено результативными военными переговорами. В научной литературе: подробно рассматривается европейская ситуация накануне Мюнхенского соглашения. Большинство исследователей считает, что по вине руководителей Великобритании и Франции не был использован шанс, остановить германскую агрессию против Чехословакии.

История повторяется в конце XX века. Европа ничего не смогла сделать (а может и не захотела) для предотвращения американской агрессии против Югославии. Цивилизованная Европа очередной раз была поставлена в угол за плохое поведение. Несмотря на крайне негативную советскую, позицию в отношении Мюнхенского соглашения, советские руководители не давали повода в конце 1938 г. для утверждения о том, что они отказались от политики европейской безопасности и сотрудничества с Великобританией и Францией, несмотря на то, что в конце 1938 г. усилились слухи о том, что следующей целью Германии станет советская Украина. 5 января 1939 г. германская сторона предложила советскому руководству возобновить переговоры о предоставлении кредита. При этом подчеркивалось, что переговоры не будут сопровождаться обсуждением каких-либо политических условий. Одновременно СССР подтвердил свою расположенность к продолжению переговоров с Великобританией и Францией.

И даже в марте 1939 г., когда в связи с германской оккупацией Чехословакии ситуация в Европе резко ухудшилась, Чемберлен продолжал надеяться на соглашение с нацистами. Существует уверенность в том, что Чемберлен являлся основным препятствием на пути соглашения о сотрудничестве с СССР. Попытки ряда политических деятелей, например, Ванситгарта осуществить зондаж с целью возобновления переговоров об англо-франко-советском соглашении скептически были встречены советской стороной. Тем не менее, Литвинов предпринял одну из последних попыток накануне своей отставки с поста наркома иностранных дел, предложив английской стороне проведение конференции шести стран: Франции, Великобритании, Советского Союза, Польши, Румынии и Турции. В ответ британская сторона ограничилась направлением в Москву 23 марта 1939 г. секретаря департамента заморской торговли Хадсона с целью проведения торговых переговоров. По итогам визита Хадсона Литвинов пришел к выводу, что британская сторона не имеет серьезных намерений заключить военный союз с СССР. Более того, когда ТАСС сообщил по итогам визита Хадсона, что имели место политические консультации, британская сторона решительно опровергла это сообщение.

Состоявшийся в апреле 1939 г. обмен мнениями между тремя странами показал, что английские и французские представители категорически отказывались распространить гарантии на балтийские государства и Финляндию. Чем руководствовались лидеры западных стран, уклоняясь от обязывающих соглашений с СССР? Можно привести аргумент, который советская историография обходила молчанием: Чемберлен и Даладье были уверены, что СССР не располагал достаточными силами, чтобы защитить себя, не говоря уже об участии в коллективных действиях против Германии

На самом деле, это был очень важный аргумент, принимавшийся в расчет британскими и французскими руководителями при выборе стратегического партнера. Многие напротив, подвергают сомнению этот аргумент и пытаются доказать, что, несмотря на сталинские репрессии против командного состава Красной Армии, она могла бы оказаться ценным союзником для западных стран в затяжной войне против Германии. Еще одним обстоятельством, влиявшим на британскую политику, являлся тот факт, что стратегический интерес западных стран, прежде всего, Великобритании находился за пределами Восточной Европы. Отставка Литвинова, по мнению многих исследователей не внесла существенных изменений в советскую внешнюю политику. Поворотным в политике СССР стал другой день, 14 марта 1939 г., когда стало ясно, что Франция и Великобритания проявляют неуступчивость в отношении взаимных гарантий западных границ Советского Союза. Не без оснований, советское руководство выражало свое беспокойство тем, что Германия может осуществить нападение на СССР через балтийские государства или Финляндию при полном бездействии западных держав. В начале июня Эстония и Латвия подписали договоры о ненападении с Германией, и германские офицеры провели инспекцию пограничных укреплений этих стран

Надо полагать, что нет никаких доказательств советско-германского сближения вплоть до прибытия английской и французской делегаций на военно-политические переговоры в Москву. Низкий уровень представительства делегации давал советской стороне достаточные основания подозревать западных руководителей в нежелании результативного исхода переговоров. Кроме того, из правительственных источников в Лондоне исходила утечка информации в прессу о секретных военных переговорах. Наконец, масла в огонь подлил младший парламентский секретарь по иностранным делам Батлер своим выступлением 31 июля 1939 г. в палате общин британского парламента, в котором «он выразил сомнения в советских обязательствах защищать независимость стран Балтии. Молотов был рассержен». Современные архивные документы, появившиеся в последнее время, дают возможность более обстоятельно и детально проанализировать суть процессов во внешней политики. Накануне прибытия англо-французской миссии в СССР советское руководство получило из Берлина предложения (хотя и в общей форме) о разделе сфер влияния в Восточной Европе между двумя государствами. За четыре дня до начала англо-франко-советских переговоров Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение начать официальное обсуждение германских предложений. Глава советской делегации К.Е. Ворошилов получил инструкции на ведение переговоров в ультимативной форме. В свою очередь, английские и французские партнеры дали

все основания для срыва переговоров. Переговоры между Германией и СССР вступили в завершающую стадию, и 19 августа 1939 г. Молотов передал министру иностранных дел Германии Риббентропу проект советско-германского пакта о ненападении и предложил подписать секретные протоколы. Заключив пакт с Гитлером, Сталин, по моему мнению, совершил ту же самую ошибку, что и французы и англичане: он считал, что «можно иметь дело с Гитлером, или, по крайней мере, оттянуть неизбежный конфликт до тех пор, пока Советский Союз не станет сильнее». В российской историографии доминирует точка зрения, что после заключения пакта Риббентропа-Молотова советское руководство «сожгло все мосты» для продолжения переговоров с Лондоном и Парижем. Многие ученые делают акцент на том, что продолжение дипломатических контактов между Лондоном, Парижем и Москвой оставляло советскому руководству иные варианты борьбы за национальную безопасность.

Сегодня, когда западные исследователи бросают в адрес СССР обвинения в развязывании войны, следует со всей определенностью сказать, что именно правящие деятели Англии и Франции несут тяжелую ответственность за свою близорукую политику попустительства Германии и за попытки соглашения с ней за спиной за счет СССР [1, с. 85]. В конечном счете, эта политика подорвала возможность формирования антигитлеровской коалиции в конце 30-х годов, а во многом привела к трагическим последствиям 1939 года. Есть еще один чрезвычайно важный аспект. Можно было бы подойти к этому периоду, являвшемуся одним из экстремальных в истории XX века, с более широких позиций, задавшись вопросом о том, как вообще должны вести себя политические партии и лидеры в такой момент, когда на карту поставлены судьбы человечества. Не следует ли найти в себе силы подняться над сиюминутными выгодами и эгоистическими интересами, чтобы осознать бремя ответственности перед человечеством, перед мировой цивилизацией и, преодолев острые разногласия между государствами, отыскивать пути и способы достижения соглашения и компромисса.

Подходя с таких позиций, мы сможем найти новые грани и новые характеристики действий европейских стран и их лидеров в канун Второй мировой войны, понять и обусловленность их поведения объективными факторами международного развития, и их просчеты. Такой подход позволит нам с новой силой и под новым углом зрения, рассмотреть опыт предвоенного периода и усвоить этот урок-предупреждение, который дает нам предыстория Второй мировой войны.

Список литературы

1. Гадеев А.В. Вторая мировая война. Анализ западных концепций. – Керчь, 2004.

Поступило в редакцию 18.01.2005